

УДК

Г. А. Велигорский

аспирант Отдела классических литератур Запады и сравнительного литературоведения Института мировой литературы им. А.М.Горького РАН;
e-mail: screamer90@mail.ru

**«A LITTLE VILLA, SPICK AND SPAN»: ПРИГОРОДНЫЙ ДОМ КАК
ИДЕАЛЬНОЕ ОБИТАЛИЩЕ В ЛИТЕРАТУРЕ
О КЛЕРКАХ И РАЗНОЧИНЦАХ
(русско-английский контекст)¹**

В статье рассматривается загородный дом в английской «литературе клерков» рубежа XIX–XX вв. как идеальное пространство, место уединения, малый аналог «земного рая». Далее будут выявлены основные типологические черты этого локуса, проанализировать, как именно и с какой целью авторы обращаются к ним, – и попробовать выяснить, по какой причине такой дом становится идеальным прибежищем. Подкрепляя свои доводы, приведем конкретные примеры из английской «литературы клерков» (У. Гроссмит, Дж. Дейвидсон, Э. У. Рэдфорд), а также схожих с ней жанров и направлений (К. Грэм, Э. М. Форстер). В качестве дополнительной задачи мы хотели бы проанализировать, встречаются ли похожие пространства в русской литературе означенного периода (взяв для сопоставления русскую дачу рубежа XIX–XX вв.), можно ли говорить об абсолютном аналоге, и если да, то как эти пространства организованы в двух разных литературах и за счет каких элементов происходит сближение. Свои соображения мы также подкрепим цитатами из ключевых произведений русской литературы рубежа веков, посвященных дачному топосу.

Ключевые слова: литература клерков; загородный дом; дача; антитеза «город / предместье»; речной берег; идеальное пространство.

G. A. Veligorsky

Postgraduate Student at the Department of Classical Western Literatures and Comparative Studies of the Gorky Institute of World Literature of the RAS;
e-mail: screamer90@mail.ru

**«A LITTLE VILLA, SPICK AND SPAN»:
OUT-OF-TOWN HOUSE AS AN IDEAL DOMESTIC**

¹ Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет средств гранта РФФ № 18-18-00129 «Русская усадьба в литературе и культуре: отечественный и зарубежный взгляд».

IN THE LITERATURE ABOUT CLERKS AND RACKS (RUSSIAN-ENGLISH CONTEXT)

We will look at the out-of-town house in the English "clerk literature" of the turn of the nineteenth and twentieth centuries as an ideal space, a place of solitude, a small analogue of the "earthly paradise". Our task will be to identify the main typological features of this locus, analyze exactly how, and for what purpose, the authors appeal to them – and try to find out why such a house becomes an ideal refuge. Supporting our arguments, we will cite specific examples from the English "clerk literature" (W. Grossmith, J. Davidson, E. W. Radford), as well as from similar genres and movements (K. Grahame, E. M. Forster). As an additional task, we would like to analyze whether similar spaces are found in Russian literature of the aforementioned period (taking for comparison the Russian dacha at the turn of the 19th – 20th centuries), can we speak of an absolute analogue, and if so, how these spaces are organized in two different literatures and at the expense of what elements there is a convergence. We will also support our thoughts with quotations from the key works of Russian literature of the turn of the century, devoted to the dacha topos.

Key words: villa; out-of-town house; dacha; antithesis «city / suburb»; river bank; clerk literature; ideal space.

Введение

Конец XIX – начало XX в. в Англии были ознаменованы серьезным увеличением сферы потребления и услуг. В лондонском Сити и на прилегающих улицах появляются многочисленные офисы, страховые компании, всевозможные фирмы и канцелярии. Естественным образом возрастает и количество служащих, представителей среднего класса, задействованных на обслуживающих профессиях: работников банка и страховых компаний, бухгалтеров, счетоводов, конторских переписчиков и т. д. Всё это не могло не найти отражения в английской литературе, чутко прислушивающейся к пульсу непрестанно идущего времени. Так появился новый тип персонажа – клерк, «белый воротничок», рядовой труженик банка, страховой конторы или иного аналогичного предприятия.

Основная часть

Впрочем, нельзя сказать, чтобы клерк был совершенно новым героем. «Белые воротнички» появляются уже в литературе раннего викторианства, сперва как эпизодические или второстепенные персонажи (во множестве у Ч. Диккенса, в первую очередь – его знаменитый Боб Крэтчит из «Рождественской песни в прозе»), впоследствии – как

главные действующие лица (к примеру, в романе Э. Троллопа «Три клерка» – «The Three Clerks», 1857). Многие клерки в этих сочинениях носили автобиографические черты: писатели воплощали в героях собственный опыт, приобретенный во время службы в банках или офисах небольших газет (вполне традиционный способ заработка для молодого английского романиста).

Однако к концу XIX в. литературный клерк получает большую самостоятельность и уже значительно меньше зависит от обстоятельств жизни своего создателя – автора. Как литературный типаж он приобретает неизменные атрибуты, которые сохраняются за ним впоследствии, начиная от внешнего вида и заканчивая мечтами, притязаниями и идеями. «Литература клерков» выводит в центр внимания обычного работника лондонского офиса или банка, в окружении жены, коллег, начальника и соседей (а иногда – разновозрастных детей) – и описывает его простую, нехитрую жизнь, изобилующую столь же простыми и «крайне незначительными приключеньцами» («smaller-than-life adventures») [Bailey 2014, с. 273].

Отношение к клеркам в поздневикторианской Англии было по меньшей мере неоднозначным. С одной стороны, «белых воротничков», вне всякого сомнения, не воспринимали всерьез. Клерки представлялись такими же незначительными, как и викторианские женщины [Bailey 2014, с. 273]. Если брать шире, то средний класс обвиняли в деградации культуры как таковой [Young 1996]; по замечанию марксистского писателя Кристофера Кодуэлла (1907–1937), мелкобуржуазный мир викторианской Англии представлял собой «отвратительное застойное болото, сплошную горечь и грязь, даже лишенные спасительной красоты трагедии» [Caudwell 1971, с. 71].

С другой стороны, клерки и их окружение символизировали в сознании викторианского общества семейные ценности среднего класса, замечательно воспеты Чарлзом Диккенсом. «Белый воротничок», выведенный как персонаж в литературном произведении, непременно любит свою семью, заботится о жене и детях, а также ценит святость своего *sanctum satis*, уединенного домашнего очага. По замечанию исследователя П. Бейли, «Маленький Человек с потрепанным зонтиком, это воплощение нижних слоев среднего класса, преобразился во Всякого Человека, образец жизнерадостной устойчивости в переломные времена» [Bailey 2014, с. 274]. Встречались и пограничные мнения: например, Джордж Гиссинг (1857–1903) писал о представителях

среднего класса, что они «богаты добродетелями, но при этом лишены вкуса» [цит. по: Young 1996, с. 493]¹.

• Всё это многообразие мнений и взглядов выразилось в новом литературном течении, которое в английском литературоведении получило название *clerk literature*, букв. 'литература клерков'.

Отправной точкой этой «литературы», или, точнее, ее «краеугольным камнем», в современной англистике принято считать повесть Уидона Гроссмита (Weedon Grossmith; 1854–1919) «Дневник незначительного лица» («Diary of a Nobody»). Первоначально сериализованная в 1888–1889 гг. в журнале «Панч» («Punch») и вышедшая в 1892 г. отдельным изданием, повесть эта вызвала массовый резонанс, прославив своего автора и его брата Джорджа (George Grossmith; 1847–1912), создавшего для «Дневника...» многочисленные иллюстрации. Начиная с первой своей публикации, повесть не воспринимается отдельно от них – и даже в академических изданиях традиционно печатается в их сопровождении [Grossmith, Grossmith 1998].

Центральным героем «Дневника...» выведен мистер Путер (Mr. Pooter) – человек средних лет, семьянин и работник офиса (должность его впоследствии так и не выясняется; скорее всего, он является тем, кого в дореволюционной России называли «столоначальниками»). Книга же начинается с того, что он вместе со своей женой миссис Кэрри переезжает в дом на окраине Лондона, носящий несоборно гордое именование «Лавры» («The Laurels»), – и всё дальнейшее повествование строится вокруг этого обиталища героя, его работы в конторе, домашнего быта и, повторимся, «крайне незначительных приключеньиц». Приключениями такими становятся покупка у бакалейщика яиц или масла, покраска ступенек и садовой ограды, запуск фейерверка, починка скребка для обуви – и даже принятие главным героем ванны.

Появление «Дневника...» знаменовало новый виток в английской городской литературе. В качестве главного действующего лица на сцену выводится «незначительный человек» (англ. *nobody*, букв. 'никто'). В отличие от «маленького человека» русской литературы, этот герой лишь иногда изображается с симпатией и жалостью, чаще же – сатирически и зло. Клерки представляются мелочными людьми, тщеславными, самовлюбленными, завистливыми, с ограниченным чувством юмора. Впрочем, не лишены они и положительных качеств. Как уже

¹ Зд. и далее перевод цитат из иноязычных источников везде наш. – Г. В.

отмечалось, клерки домовиты, чадолюбивы, заботятся о своей семье, подчас и оказываются смиренны (безымянный клерк из стихотворения Дж. Дейвидсона). Первоначально такой персонаж не пытается расти над самим собой, ни к чему не стремится (кроме, пожалуй, заветного «повышения», которого он так и не достигает) – и довольствуется простым мелкобуржуазным счастьем.

Наиболее емко это счастье изображается в первых строках стихотворения Эрнеста Уильяма Рэдфорда (Ernest William Radford; 1857–1919) «Набросок ручкой» («A Pen Scetch», опублик. 1906):

A little wife, a little wine,
A little villa, spick-and-span,
And looming large in the design
A cradle and a little man.

[Radford 1906, с. 59]

(«Маленькая женушка, маленький [бокальчик] вина, / Маленький новехонький, с иголочки, домик / И, чуть виднеющиеся в смутной дали, / Колыбелька и маленький человек»)

В этом предельно простом с точки зрения лексики и поэтики четверостишии Рэдфорд обозначил ключевой для «литературы клерков» образ – маленькое пространство, уютное и уединенное, в котором человек может укрыться от мира. Нехитрое семейное счастье: жена, ребенок, бокал вина перед сном, уют в четырех стенах загородного частного домика. Из общих, сквозных образов «литературы клерков» к этому списку необходимо добавить лишь трубку, газету, а также несбыточную мечту о «повышении в должности». Рэдфорд горестно замечает:

Ведя такую жизнь, он / Всё равно что шел напрямик к собственной могиле. – He could, who had such hours to keep, / As well be trotting to his grave [Radford 1906, с. 59].

Так и происходит: клерк погибает под колесами поезда, так и не получив «долгожданного повышения» – и случайный, обезличенный свидетель коротко замечает: *A всё оттого, что он слишком натурал. – 'He was cutting it too close' – said they.* Безымянный автор реплики имеет в виду, что клерк слишком близко подошел к краю платформы, а может, слишком усердно старался попасть в вагон – отчего и упал на рельсы. Однако читатель воспринимает эти слова в

контексте стихотворения в целом, и поэтому они оборачиваются горькой иронией.

* Идеал, выведенный Э. У. Рэдфордом, подчеркивает и британский романист Эдвард Морган Форстер (Edward Morgan Forster; 1879–1970). В романе «Говардз-Энд» («Howard's End») один из главных героев, промышленник мистер Уилкоккс, говорит о молодом клерке Леонарде Басте:

У него, вероятно, свои интересы и радости – жена, дети, уютный маленький домик. – He probably has his own joys and interests – wife, children, snug little home [Forster 1992, с. 152].

Итак, еще одна важная черта литературного клерка заключается в том, что он никогда не возвышается над своим «бытием», не покидает той социальной ячейки, в которой находится. На первых порах (в произведениях Дж. Дейвидсона, У. Гроссмита) он даже и не пытается этого сделать. Впоследствии, однако, авторы попытаются дать этому образу какое-либо развитие. Так появятся клерки Кеннета Грэма – творчески мыслящие «чудаки». К примеру, один из них – банковский работник, в свободное время подменявший своего коллегу на рыночной проходной – и проводивший свои выходные дни, поднимая и опуская шлагбаум. Коллеги жестоко подтрунивают над ним, обвиняют в трудоголизме и скаредности, желании не мытьем, так катаньем заработать лишний шиллинг; однако сам Грэм воспринимает его поведение иначе:

И всё же тот клерк открыл для себя уникальный способ смотреть на жизнь – и видеть в ней только лучшее; жизнь, текущую мимо, спешащую, путешествующую, торгующую, жизнь Широкой Дороги; жизнь старьевщика и его тележки, лудильщика, торговца поросятами – всех этих веселых существ, что пьют и торгуются под солнечными лучами. И что еще важнее – он принадлежал к тому классу ясновидцев, которые знают, что у них хорошо получается и чего они на самом деле хотят [прив. по: Green 1959, с. 90–91].

Литературные клерки пытаются возвыситься через творчество, пишут рассказы или стихи («Случай в офисе» Э. У. Рэдфорда), по мере возможностей путешествуют, читают, интересуются историей и культурой. Ярчайший пример такого клерка – Леонард Баст из романа Э. М. Форстера «Говардз-Энд». Леонард (или Лен, как называет его супруга) посещает концерты классической музыки и читает «Камни

Венеции» Джона Раскина, пытаюсь при этом уловить его стиль и выучиться писать в той же манере. Однако история таких клерков, как мы уже знаем, или «ведет в никуда», не получая развития, или же завершается нелепой гибелью: клерк Э. У. Рэдфорда падает под колеса поезда, а Леонард опрокидывает на себя книжный шкаф – и погибает от сердечного приступа под завалами обрушившихся на него фолиантов.

Если «повышение» для клерка – обязательная, но никогда не осуществимая цель, то «домик», о котором упоминает мистер Уилкоккс, – цель вполне достижимая. Дом этот уютный, светлый и небольшой (как и всё в жизни клерка) – но при этом не крохотный; ведь, стоит переступить определенную грань – и домик утратит свою привлекательность, превратившись в жуткое и тесное обиталище. Ср. у Дж. Дейвидсона в стихотворении «Тридцать шиллингов в неделю» («Thirty Bob a Week», 1894): *Three rooms about the size of traveling trunks. – Три комнаты, каждая размером не больше дорожного сундука*¹.

В Англии периода *fin de siècle* частные загородные дома не были чем-то недоступным для представителя мелкой буржуазии. Покупка такого домика не требовала капитальных вложений (вспомним хотя бы клерка Дж. Дейвидсона, который, с его весьма скромным заработком, смог себе позволить такое жилище) – и вокруг Лондона, словно семейки грибов, возникали целые поселения, состоящие из уютных особнячков. В этой связи началу XX в. даже возник особый термин – «Suburbia» (англ. букв. 'Пригородье'), обозначающий пояс таких домов, разросшийся вокруг английской столицы. Эту новоявленную «страну» Э. М. Форстер в романе «Говардз-Энд» противопоставляет «подлинной Англии» [Forster 1992, с. 15] – «стране древних памятников и маленьких деревушек, практически не затронутой социальными и экономическими переменами; Англии вневременной, загадочной – и всё же при этом такой крохотной, сельской, уютной и домашней»

¹ Впрочем, неясно, что представляют собой «Pillared Halls» в действительности. Это может быть и название многоквартирного дома, вполне обычное для Англии (ср., например, жилой дом «Победа», в котором живет Уинстон – герой романа Дж. Оруэлла «1984»). Однако мы склонны считать, что речь всё же идет о частном владении, поскольку в противном случае следует допустить, что клерк поселился в шестикомнатной (!) квартире, половину которой еще и сдает внаем. Для сравнения: в квартире Леонарда Баста всего две комнаты, одна из которых является к тому же кабинетом, столовой и кухней [Forster 1992, с. 49–50].

[Watkins 1984, с. 34]. Новоявленная *Suburbia*, в отличие от деревни, не предполагает близких отношений между своими насельниками, исключает землячество, наличие местной общины. Такие поселки – именно собрание отдельных домов и проживающих в них обитателей. Но при этом *Suburbia* не становится и совсем уж обособленным микромиром: она неизменно привязана к городу, соотносится с ним как некое пространство, обеспечивающее «поверхностный комфорт, столь необходимый для делового человека» («superficial comfort exacted by businessman») [Forster 1992, с. 15].

Итак, еще одна особенность английского частного дома – это отгороженность не только от улицы, но и от других таких же домов, предназначенность лишь для одной семьи, а то и для одного человека. Разделение пространства между двумя и более семьями немедленно отнимает у дома его уют. Недаром у Дж. Дейвидсона в цитированном выше стихотворении упоминается, что половина Колонных Залов сдается кому-то внаем – «And the Pillared Hall's is half of it to let...» [Davidson 1973, с. 63].

Штакетник, плетень, невысокая изгородь в «литературе клерков» выступают как неотъемлемая часть загородного английского дома. Так, даже самый невысокий заборчик становится разновидностью глухой стены, из-за которой можно посмотреть наружу, на улицу – но внутрь с улицы заглянуть нельзя. «Мой дом – моя крепость» – таков девиз англичанина Викторианской эпохи; любое нарушение этого правила и вторжение в частную собственность воспринимается героем с досадой и злостью, почти как нечто преступное. Так, в повести Эдит Несбит (1858–1924) «Дети железной дороги» («The Railway Children», 1905–1906) отец семейства в воскресное утро, заслышав стук во входную дверь, раздраженно замечает (обыгрывая упомянутую поговорку), что ему «порой хочется, чтобы вокруг вот этого дома и впрямь была крепостная стена, а за ней еще ров с водой и подъемный мост» [Нэсбит 2015, с. 22]. Переосмысливая замечание персонажа Э. Несбит, можно сказать, что крепостной вал с подъемным мостом и прорубленными в толще бойницами сменяется в «литературе клерков» невысокой деревянной оградой или живой изгородью, которая оберегает хозяина нисколько не хуже стены средневекового замка (по крайней мере – в смысле уединения). «Низенькая стена» («narrow wall»), на которую опирается герой стихотворения Э. У. Рэдфорда «Наше предместье» («Our Suburb», опубл. 1906), становится

неодолимой преградой, защищающей домовладельца от внешнего мира – и оставляющей его наедине со звездами, трубочкой и «тихой светлой благодатью» («bliss»). Таким же препятствием и надежной защитой оказывается и парадная дверь в доме Путеров, которая (по замечанию рассказчика), «заперта обыкновенно на цепочку» [Гроссмит Дж., Гроссмит У. 2007, с. 19].

Если заборы и стены обеспечивают уединенность, замкнутость пространства английского дома, то любые зазоры и щели в них этой уединенности вредят, а подчас и уничтожают ее. Дыра в ограде, сломанные ворота, разбитое окно – всё это становится символом прованной границы, неполной изолированности от внешнего мира. Так, в «Дневнике незначительного лица», когда по чугунке, пролегающей неподалеку от дома, проносятся с грохотом поезда, забор вокруг участка сотрясается и дрожит – словно бы неприятный звук пытается прорваться сквозь загородку. Хозяин дома, понимая неприятность такого вторжения, даже снижает арендную плату, и герой остается этим вполне доволен.

Образы «литературы клерков» выступали и за ее пределы, проникая в другие, порой пограничные, жанры и направления. Так, английские литературоведы отмечают сходство между отдельными сценами и мотивами из «Дневника...» и сказочной повести «Ветер в ивах» («The Wind in the Willows», 1908) шотландского писателя Кеннета Грэма (Kenneth Grahame; 1859–1932)¹. Один из главных героев этой повести, Крот (Mole), так же, как и Мистер Путер, живет в обособленном загородном домике (правда, в отличие от «Лавров», – подземном). Впрочем, несмотря на разность жилищ, подход к внутренней обстановке у персонажей один и тот же: Крот, как и мистер Путер, украшает свое жильё дешевыми гипсовыми статуэтками (ср. гл. VII «Дневника...» и гл. 5 «Ветра в ивах»). Жена мистера Путера, миссис Керри, носит «гарибальди» (гл. V) – розовую свободную блузу, названную по имени одного из «героев современной Италии», чей бюстик стоит у Крота на полочке. Наконец, именно из «Дневника незначительного человека» мог прийти в повесть Грэма злосчастный скребок для обуви. Ситуация вокруг него складывается в обоих произведениях похожая – с той лишь разницей, что в «Ветре в ивах» об этот скребок

¹ Подробнее об этих параллелях у К. Грэма и У. Гроссмита [Grahame 2009, с. 117–118, 121, 123, 124, 132; Hunt 1994, с. 159–168; Grahame 2010, с. 55].

ранит лапу один только Крот (гл. 3), тогда как у Гроссмита об него запинаятся едва ли не каждый пришедший (гл. I), а рассказчик, в зависимости от того, желанен был гость или нет, меняет свою реакцию: от сочувствия к упавшему и желания поскорее убрать скребок – к злой радости оттого, что скребок остался на месте.

Нужно сказать, что антураж дома Крота выдержан вполне в духе моды, бытовавшей среди тогдашних клерков. У него есть кегельбан (упоминаемый также у Дж. Дейвидсона), деревянные садовые столики с круглыми подставками для пивных кружек, проволочные корзины с цветами и гипсовые статуэтки – «Гарибальди, младенец Самуил¹, королева Виктория и другие герои современной Италии» [Grahame 2010, с. 54]. Последние были в большой моде среди низших представителей среднего класса [Grahame 2010, с. 158].

Отразилось в «Ветре в ивах» и стремление клерка занять свой собственный «маленький домик» – и это при том, что у Крота такой дом, напомним, уже имеется. Впервые увидев жилище дядюшки Рэта (Водяной Крысы), Крот с упоением думает, «каким прелестным жильем могла бы оказаться такая норка для зверя со скромными запросами, любящего малюсенькие прибрежные домики, вдали от пыли и шума» [Грэм 1988, с. 15]. Как отмечает литературовед Л. Кузнец, использованная в оригинале этой фразы лексика, да и самый ее строй («*bijou riverside residence, above flood level and remote from noise and dust*») словно бы заимствованы из викторианского рекламного буклета [Kuznets 1987, с. 116].

Идеальное пространство (или, фигурально говоря, – «рай») нередко предполагает наличие «ада» – некоей антитезы, позволяющей тем лучше увидеть, сколь это пространство хорошо. Так, в «литературе клерков» пространству зеленого, цветущего пригорода традиционно противопоставляется туманный и промозглый, прокопченный демонический Лондон.

¹ Имеется в виду пророк библейский Самуил, последний из судей Израильских. В 1776 г. сэр Дж. Рейнолдс написал картину «Младенец Самуил» («*The Infant Samuel*»), на которой изобразил Самуила в образе маленького мальчика, с кудрявыми волосами и в белых одеждах, молящегося на коленях. Картина была весьма популярна; с опорой на ключевой ее образ было создано множество гипсовых статуэток, которые нередко можно было увидеть в домах среднего класса.

«Демонизация» Лондона была общим местом в английской литературе, еще начиная с эпохи романтизма (У. Вордсворт, С. Т. Колридж, Т. Де Квинси). Впоследствии тенденция эта получила развитие в викторианский период (ср. роман Т. Карлайла «Sartor Resartus», где Лондон представлен как буквальный ад с населяющими его демонами; поэзию У. Хенли и (отчасти) Дж. Дейвидсона, эссеистику Р.Л. Стивенсона и К. Грэма, сочинения Р. Джеффриса, Т. Харди, Г. Р. Хаггарда и т. п.). Отношение к столице стало меняться лишь в начале XX в. Вот что Э. М. Форстер писал по этому поводу:

Злословить Лондон уже не модно. Культ земли-матушки отжил свой век – и литература ближайшего будущего, вероятно, будет игнорировать пригород и деревню, ища вдохновения в городе. Оно и немудрено. Публика пресытилась историями о Пане, о силах природных стихий; всё это – принадлежность викторианской эпохи, тогда как Лондон – георгианский. Тем, кто особо беспокоится о земле-матушке, придется подождать, пока маятник не качнется в обратную сторону. Воистину, Лондон завораживает [Forster 1992, с. 112].

Впрочем, и у Форстера встречаются образы, описывающие Лондон как демоническое пространство:

Город был словно сатанинским; узкие улицы нагнетались над пешеходом, как своды шахтерского штрека <...> [Forster 1992, с. 88].

Тогда покачнулись и предстали глазам часы вокзала Кингз-кросс – вторая луна на этом дьявольском небосводе <...> [Forster 1992, с. 89].

Вдали, в конце платформы, стоял паровоз, выдыхающий из себя черноту [Forster 1992, с. 90].

Однако «литература клерков» коренится именно в викторианской эпохе. Лондон в ней представлен как темная половина антитезы «ад / рай», а описания его сопровождаются традиционными «мрачными» эпитетами: «сатанинский» («satanic»), «дьявольский» («diabolic»), «проклятый» («damned») и т. п. Именно в таком ключе этот город запечатлен в стихотворении Э. У. Рэдфорда «Наше предместье» – истории «счастливица», вырвавшегося из столицы и поселившегося где-то за ее пределами:

He had no word for it but bliss;
He smoked his pipe; he thanked his stars;

And, what more wonderful than this?
He blessed the groaning, stinking cars

That made it doubly sweet to win
The respite of the hours apart
From all the broil and sin and din
Of London's damned money-mart.

[Radford 1906, с. 60]

(У него не было слов – только хвала; / Он курил свою трубку, он благословлял звезды, / И, что еще удивительнее, / Он благодарил скрипучие и воняющие машины, / Ведь благодаря им вдвое слаще / Кажались ему часы отдыха вдали / От суеты, и греха, и гвалта / Проклятой лондонской деньгопечатни.)

И снова мы видим огороженный и уединенный домик, который предоставляет своему обитателю приют вдали от шума и грохота «треклятой лондонской деньгопечатни». Город, хоть и расположенный сравнительно недалеко (ведь каждое утро жильцы пригородных домов ездят туда на работу), всё же укрывается за чертой горизонта, и неясно, что же там вдалеке за «синева и туман» – «вроде бы дымят городские трубы, а может <...>, это просто плывут облака» [Грэм 1988, с. 21].

* * *

В русской литературе рассматриваемого нами периода приблизительным аналогом английского загородного дома выступает дача. Важно уяснить, что дача конца XIX – начала XX в. значительно отличалась от дач советского или постсоветского периода, а равно и от английских загородных домов, хотя прослеживаются и общие черты.

Как и английские загородные дома, дачи конца XIX в. предоставляли горожанину место для летнего отдохновения, неподалеку от города – так, чтобы туда можно было в течение одного-двух часов добраться на поезде. Они располагались вблизи столицы и являли собой обособленную постройку, в один или (чаще) два этажа, с небольшой зеленой площадкой вокруг, задействованной под цели жильцов или нанимателей. Как и английский загородный дом, дача символизировала «бегство от городской рутины» («a radical break with urban routine») [Lovell 2003, с. 98], однако при этом противопоставлялась деревенскому миру – по смежности с городом и зависимости от него.

Так же как и *villa* или *out-of-town house*, русская дача включала в себя не только здание, но и небольшое пространство вокруг, обнесенное забором или живой изгородью. Использовалось оно жильцами по-разному: чаще всего там разбивался цветник или газон, устраивалась беседка; нередко – лужайка для подвижных игр или завтрака под открытым небом. В дни празднеств на ней могли запускать фейерверки. Ср., например, описание дач, которые нанимают Пестиковы и Гельбке в повести Н. А. Лейкина «Воскресенье на даче» (1898).

Впрочем, между английским загородным домом и русской дачей прослеживаются и характерные отличия. И главное из них – это разная предназначенность этих пространств. Если дача рассчитывалась только на летний (и может быть, осенний) сезон, то в загородном доме обитатель жил постоянно. Дачи на рубеже XIX–XX вв. часто (хотя и не всегда) только нанимались жильцами; следовательно, она представляли собой обиталище временное – и для насельника *de facto* чужое. Английский же загородный дом, напротив, был всегда своим собственным или же (как в случае мистера Путера) нанятым на очень длительный срок, что создавало иное ощущение пространства и иные возможности распоряжения им.

В отличие от английских загородных домов, считавшихся *sanctum satis*, синонимом благоденствия и благополучия, дача в русской литературе рубежа веков ассоциировалась с чем-то вульгарным [Дмитриева, Купцова 2008, с. 161]), и в этом отношении противопоставлялась дворянской усадьбе, «хранительнице традиционных ценностей», «эмблеме золотого века социальной гармонии» [Lovell 2003, с. 91].

Еще одно важное отличие дачи от английского загородного дома – это устойчивая ассоциация дачного пространства со скукою, ленью и тяготящим бездельем; ср., например, блоковскую «скуку загородных дач» или «тощицу», о которой беспрестанно говорит госпожа Пестикова, героиня упомянутой лейкинской повести: «Пуще всего я вам не прощу того, что вы завезли меня в этот поганый Лесной, где тощица смертная, где никуда нельзя выйти, не выпялившись во все свои наряды» [Лейкин 1898, с. 223]. Меж тем английский загородный дом никогда не вызывает у его обитателя тоску от безделья; ведь, по словам мистера Путера, «дома всегда найдется дело: там гвоздь прибить, тут подправить жалюзи, там форточку приладить, тут ковер расправить – и всё это могу я делать, не выпуская из зубов моей трубки» [Гроссмит Дж., Гроссмит У. 2007, с. 20].

* * *

Итак, как мы видим, дача и загородный дом представляют собой, пусть отчасти и схожие, но все-таки значительно отличающиеся друг от друга локусы. Однако любопытно, что в английской литературе существует пространство, сближающееся с русской дачей намного тесней, чем *out-of town house*. Пространством этим оказывается английская река и ее берег – традиционное место проведения загородных пикников (они даже получили сообразное именование – *bank holiday*, букв. ‘выходной на побережье’¹).

В английской «литературе клерков» берег реки, как и загородный дом, противопоставляется шумному городу. Если у обитателя Лондона нет возможности сбежать из города насовсем, он пробует это сделать хотя бы на время. Столичные обитатели, работники банков и сферы обслуживания, как только у них появляется шанс, стремятся на день-другой покинуть город. И местом, куда они выбираются, традиционно становится берег реки – Темзы или ее притоков.

Стремлению этому, что любопытно, всесторонне способствовало государство. В 1865 г. был подписан законопроект о возможности смены тред-юниона² сообразно месту проживания (*Union Changeability Act*), который «окончательно открепил рабочего от места его трудоустройства <...> и повлиял на мобильность труда» [Green 1959, с. 59]. Развитие транспорта, в том числе железнодорожного, а также дешевизна билетов позволили большему числу рядовых англичан проводить на реке уик-энды³. Оказало свое влияние и введение обязательного трехнедельного отпуска (в том числе и оплачиваемого; первый прецедент – 1872 г., «*Great Northern company*»), а также кампании по борьбе с трудоголизмом и по культурному развитию рабочего сословия [Horn 2001, с. 8]. Как отмечает С. Лерер, «к конце 1880-х гг.

¹ Не следует смешивать английское слово *bank* – берег с омонимичным ему существительным *bank* – банк; в противном случае оказывается неясно, почему представители самых разных профессий – от конторского служащего до мясника или галантерейщика – отправлялись еженедельно на обязательный «банковский выходной».

² Так в Великобритании XIX в. назывались профессиональные союзы.

³ Подробнее об этом см.: [Horn 2001, с. 1]. В данном случае характерен факт, зафиксированный в июне 1888 г., когда из Хенли в Лондон последним поездом возвращалось 950 пассажиров [Bolland 1994, с. 13].

река¹ сделалась чем-то вроде развлекательной игровой площадки для представителей среднего класса» – со всеми вытекающими последствиями [Lerer 2009, с. 54].

Именно этой массовой «миграцией», «исходом из Лондона» клерков-отпускников, объясняется запруженность реки всевозможным разнохарактерным людом. Недаром дядюшка Рэт, герой повести «Ветер в ивах», сетует на то, что «берега реки <...> густо заселены всяким народом» («the bank is so crowded nowadays»):

Сейчас совсем не то, что бывало в прежние времена! Выдры, зимородки, разные там другие птицы, шотландские курочки – решительно все вертятся у тебя целый день под ногами и все требуют, чтобы ты для них что-нибудь делал, как будто у тебя нет никаких своих забот! [Грэм 1988, с. 23, 25].

Дядюшка Рэт не одинок в своем недовольстве. Возмущение его делили английские писатели. Вот как, например, отзывалась о ситуации английская романистка Мария Луиза де ла Раме (Marie Louise de la Ramée; 1839–1908), более известная под псевдонимом Уида (Ouida):

Экскурсионные поезда на Пасху и Троицу изблеивали толпы фабричных рабочих – с их бранью и руганью, одетых с дешевым шиком, нечесанных, шумных, изрядно подвыпивших; [с ними –] женщины в платьях, оскорбляющих самое понятие моды, с вавилонами из фальшивых цветов на головах; люди гротескные, люди жуткие – на собственный, неповторимый манер. Они рассыпаются по лесам и лужайкам, как стаи опустошительной саранчи, и завершают погожий весенний день в кабаке; там они упиваются джином и горьким бочоночным пивом, квартами хлещут крепленый эль – и сутолокой, горлая песни, загружаются на вечерний поезд; отупевшие от усталости и спиртного, хмельные, кричащие, омерзительные существа, подле которых макака смотрелась бы как король; <...> истинный образ, подлинная эмблема вульгарности нашей эпохи [цит. по: Bailey 2014, с. 104].

Характерны и отчеты, публиковавшиеся в периодических изданиях. Так, напечатанная 18 августа 1888 г. статья «Шлюзы, перекрывшие Темзу» («The Lock to Lock Thames») сообщала: «Повсюду слышны бесчисленные жалобы о том, что река переполнена: ни одного уголка, который не испоганили бы туристы; ни одного закутка, где не было бы крикливых кокни; никакого уединения» [цит. по: Bailey 2014, с. 149].

¹ имеется в виду Темза. – Г. В.

Подобно английским рабочим и клеркам, проводящим уик-энды на берегу Темзы, русские дачники в загородном пространстве (с точки зрения постоянных его обитателей) были не гостями и уж тем более не хозяевами, но – постояльцами, «отпускниками» («vacatuioners»), и притом не всегда желанными. Изображения противостоящих приезжих и местных стало общим местом в русской литературе конца XIX в. [Lovell 2003, с. 90].

Так же, как и дача, речной берег живет по своим собственным законам. Он предполагает заведение знакомств между теми, кто его посещает, формирование кружков и «групп по интересам», возникновение своеобразной «речной общины» и даже публикацию местечковых газет. Речной берег, описанный в произведениях Джерома К. Джерома, Кеннета Грэма, Ричарда Джеффриса, Артура Квиллер-Коуча – это особый мир, с особыми правилами, известными тем, кто к нему «причастился».

То же касается и дачи, которая в конце XIX – начале XX в. становится «не просто местом жительства – но стилем жизни» [Lovell 2003, с. 86]. Дачному пространству присущи определенные «социальные ритуалы, формы взаимодействия, схемы поведения и культурные ценности» [Lovell 2003, с. 86]. В произведениях Н. А. Лейкина, И. И. Мясницкого, А. Т. Аверченко, Н. Тэффи, Е. П. Летковой дача предоставляет немало возможностей для комических и трагических, забавных и неприятных, а главное – непредвиденных ситуаций. Женщины-модницы пытаются щеголять перед соседками модным нарядом – и в итоге всё завершается перепалкой и дракой; мужчина, подглядывающий за купающимися дачницами, оказывается пойман «с поличным» женой или же кем-нибудь из соседей; дачница теряет во время купанья кольцо и заставляет мужа за ним нырять – до тех пор, пока тот не промерзает до костей и серьезно не заболевает. Всё это становится завязкой для комического (а подчас и трагического) конфликта. Такие ситуации перемежаются классическими склоками, ссорами с соседкой «через забор» и прочими элементами ситуационной комедии. Пространство, огораживающее дачу, совсем не непроницаемо, ни изнутри, ни снаружи – в отличие от английского частного дома, куда можно попасть только с разрешения хозяина и из окон которого никогда не виднеется ничего нежелательного, раздражающего, оскорбительного для взгляда и слуха. То же касается и речного берега, на котором никогда нельзя уберечься от назойливых зрителей, чем бы

ни занимался персонаж. Неважно, катается ли он в лодке в окружении двух прелестных спутниц, расстилает ли скатерть для пикника или позирует для речного фотографа – он должен быть готов, что в любую минуту его может задеть веслом проплывающий гребец-дилетант или накрыть волна от проходящего мимо баркаса, а другие «отпускники», заметив случившееся, от души повеселятся над непутевым товарищем.

Заключение

Собственный дом в «литературе клерков» представляет собой идеальное убежище; в различных произведениях, принадлежащих к этому жанру, он неизменно остается таковым. Будучи ли недостижимой мечтой или действительной данностью, он хранит в себе мир и упокоение. Дом этот становится пристанью посреди шумного мира, где персонаж-клерк может уединиться со своей семьей, получить отдых после тяжелого дня и укрыться от невзгод ежедневной трудовой жизни.

Литературная дача, в отличие от него, не представляется идеальным убежищем или «раем»; будучи местом отдыха, противопоставленным городу, она, однако, слишком шумна, вульгарна и уж точно не предоставляет своему жителю уединения. В отличие от усадьбы, дача в русской литературе не выступает синонимом рая. Аналогом «рая» – и притом рая утраченного – дача станет уже в эмигрантской литературе (у Зинаиды Жемчужной, Бориса Зайцева), в воспоминаниях К. И. Чуковского (дача в деревне Куоккала). Те же черты она сохранит и в позднесоветском, а также постсоветском пространстве, будучи рассмотрена уже через призму ностальгии [Богданова 2018, с. 136–137]. Гораздо «ближе» к даче в этом отношении оказывается английский речной берег, также предоставляющий отдых и смену обстановки – но не позволяющий уединиться и дающий простор для множества комических ситуаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Богданова О. А. Дачный топос в литературных источниках XX в. и в романе Е. Г. Водолазкина «Авиатор» // Филологический класс. Вып. 52. 2018. № 2. С. 134–140.
- Гроссмит Дж., Гроссмит У. Дневник незначительного лица / пер. с англ. Е. Суриц. М. : Б.-С.-Г.-ПРЕСС, 2007. (Сер. «Самое смешное»). 342 с.

- Грэм К. Ветер в ивах. Сказка / пер. с англ. И. Токмаковой. М. : Детская литература, 1988. 287 с.
- Дмитриева Е. Е., Купцова О. Н. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. 2-е изд. М. : ОГИ, 2008. 528 с.
- Лейкин Н. А. Воскресные охотники. Воскресенье на даче. Рыболовы: Юмористические рассказы о похождениях столичных подгородных охотников. 3-е изд., доп. СПб. : Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1898. 335 с.
- Нэсбит Э. Дети железной дороги / пер. А. Иванова, А. Устиновой. М. : Эксмо, 2015. 350 с.
- Bailey P. Leisure and Class in Victorian England: Rational recreation and the contest for control, 1830–1885. L. : Routledge, 2014. 272 p.
- Bailey P. White Collars, Gray Lives? The Lower Middle Class Revisited // Journal of British Studies. July 1999. Vol. 38. № 3: Masculinity and the Lower Middle Class. P. 273–290.
- Bolland R. R. Victorians on the Thames. Turnbridge Wells : Parapress, 1994. 128 p.
- Caudwell Chr. Studies in a Dying Culture. N. Y.–L. : Monthly Review Press, 1971. XXIII + 228 + 256 p.
- Chalmers P. Kenneth Grahame. Life, Letters and Unpublished Work. L. : Methuen & Co, 1933. 321 p.
- Davidson J. The Poems: In 2 vol. / Introd. and notes by A. Turnbull. Edinburgh–L. : Scottish Academic Press, 1973. Vol. 1. 292 p.
- Forster E. M. Howard's End / With an Introd. by A. Kazin. L. : David Campbell, 1992. 408 p. (Ser. «Everyman's Library»).
- Grahame K. Pagan Papers. L.–N. Y. : John Lane : The Bodley Head, 1898. 208 p.
- Grahame K. The Wind in the Willows / Ed. P. Hunt. Oxford : Oxford University Press, 2010. XLII + 182 p. (Ser. «Oxford World's Classics»).
- Grahame K. The Wind in the Willows: An Annotated Edition / Ed. with Preface and Notes by A. Gauger. N. Y. : Norton & Norton, 2009. LXXXIV + 390 p.
- Green P. Kenneth Grahame 1859–1932: A study of His Life, Works and Times. L. : John Murray, 1959. 400 p.
- Grossmith G., Grossmith W. The Diary of a Nobody / Ed. K. Flint. Oxford : Oxford University Press, 1998. 176 p., ill. (Ser. «Oxford World's Classics»).
- Horn P. Pleasures and Pastimes in Victorian Britain. L. : Amberly Publishing, 2011. 352 p.
- Hunt P. Dialogue and Dialectic: Language and Class in «The Wind in the Willows» // Children's Literature. 1988. Vol. 16. P. 159–168.
- Hunt P. «The Wind in the Willows»: A Fragmented Arcadia. N. Y. : Twayne Publishers, 1994. 146 p.
- Kuznets Lois R. Kenneth Grahame / Ed. Kinley E. Roby. Boston : Twayne Publishers, 1987. 160 p.
- Lerer S. Style and the Mole: Domestic Aesthetics in «The Wind in the Willows» //

The Journal of Aesthetic Education. Summer 2009. Vol. 43. № 2. P. 51–63.
(Special Issue on Children's Literature).

* *Lovell St.* Summerfolk: A History of the Dacha, 1710–2000. Ithaca (NY); L. :
Cornell University Press, 2003. 260 p., ill.

Radford E. A Collection of Poems. L. : Gibblings & C°, 1906. 98 p.

Watkins T. «Making a Break for the Real England»: The River Bankers Revisited //
Children's Literature Association Quarterly. Spring 1984. № 9. Vol. 1. P. 34–35.

Young A. Virtue Domesticated: Dickens and the Lower Middle Class // Victorian
Studies. Summer 1996. Vol. 39. № 1. P. 483–511.